

Синергия истории и религии в процессах трансформации гражданской религии современной России

Олег Ф. Гаврилов^{а, @}

^а Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ gof57@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.10.2020. Принята к печати 03.11.2020.

Аннотация: Усилия, направленные на дискредитацию наиболее распространенной в России конфессии в лице православия и на ревизию отечественной матрицы исторической памяти, предстающие поверхностному взгляду как автономные процессы, на поверку оказываются согласованными действиями. Эта согласованность обусловлена пониманием, что историческое сознание и религиозная вера образуют в своем неразрывном единстве основу культурной традиции, а при определенных обстоятельствах – содержание гражданской религии. Последняя, независимо от конфессиональной принадлежности представителя общества, наделяет сакральными смыслами исторические символы. Тем самым она обеспечивает социальную солидарность и осознание необходимой направленности происходящих процессов. Гражданская религия, зародившись в советский период отечественной истории, сегодня заметно трансформируется. Если в начальный период своего существования она культивировала сакральные смыслы истории в их локальной (пространственной и временной) ограниченности, что характерно для неразвитых религий, то сейчас наблюдается их проекция на область трансцендентного. В частности это достигается путем установления связи исторических событий с идеей Бога и фиксации этой зависимости в нормах основного закона страны. Благодаря этому прежняя архаичность гражданской религии преодолевается, и она приобретает статус развитой религии, способной консолидировать общество обращенностью к Абсолюту. Изменения порождают критику, в которой они оцениваются как посягательство на принципы светского общества. Однако оппоненты игнорируют следующее: природа культуры имманентно религиозна, названная юридическая новация не отдает предпочтения какой-либо конкретной конфессии, наличие подобных норм права не мешает многим развитым государствам оставаться светскими. В связи с этим цель исследования – за разрозненными на первый взгляд усилиями по дискредитации русского православия и отечественной истории выявить общие тенденции и определить, какие меры противодействия им вырабатываются сегодня.

Ключевые слова: культура, традиция, символы, локализация священного, трансцендентное, Конституция, Бог

Для цитирования: Гаврилов О. Ф. Синергия истории и религии в процессах трансформации гражданской религии современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 3. С. 227–234. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-227-234>

Введение

Современное общество весьма неоднородно, поэтому естественно, что выражение интересов различных групп сопряжено со спонтанными столкновениями противоположных представлений, мнений, оценок. Однако в этом хаотичном движении процессов духовной жизни иногда угадываются весьма согласованные тенденции. В данном случае речь идет о давлении, объектами которого являются религия и история. Вероятно, это глобальные процессы, затрагивающие разные конфессии и темы исторической науки разных регионов мира. Мы же, говоря о них, будем иметь в виду, прежде всего, обвинения, формулируемые против Московского патриархата Русской православной церкви (РПЦ МП), и попытки смены исторической парадигмы в России. Согласованность критики религии и отечественной истории не очевидна, как не очевидны и ответные действия представителей этой культурной диады. Поэтому задача данного исследования как раз и состоит в том, чтобы за разрозненными на первый взгляд усилиями

по дискредитации русского православия и отечественной истории выявить общие тенденции и определить, какие меры противодействия им вырабатываются сегодня.

Теоретические основы

Если говорить о религии, то ее критика с определенного времени традиционна и касается, в частности, самой природы религиозного мировоззрения, выбора Россией православия как одного из вариантов христианства, места, которое РПЦ занимает в обществе. Начало обструкции религиозного мировоззрения было положено в эпоху Просвещения, когда определяющей стороной человеческой активности и культуры в целом был объявлен разум. Соответственно, религиозная вера в этом ракурсе стала восприниматься как архаизм, подлежащий преодолению или, по крайней мере, локализации в рамках частной жизни. Это убеждение более или менее явно присутствовало в экономических, политических, институциональных предпосылках процесса секуляризации, развернувшегося в глобальных масштабах.

На определенном этапе секуляризация в России приобрела особенные черты: государство объявило своей официальной идеологией воинственный атеизм, принципы которого последовательно и жестко воплощало на практике. В некотором смысле даже удивительно, что после многих десятилетий административного давления на церковь, фактически – ее уничтожения, она продолжила свое существование. И сейчас «сосуществование многочисленных субъектов религиозной активности и тех, кто в российском пространстве коммуникационного взаимодействия оказывается к ней причастным, по-прежнему отягощено последствиями атеистического прошлого и не имеет достаточного опыта трансакций» [1, с. 198]. Последствия антирелигиозного воспитания и пропаганды советской эпохи наверняка могут и сегодня рассматриваться в качестве одного из факторов продолжающихся попыток дискредитации церкви. Нельзя сказать, что такого рода явления масштабны, поскольку между церковью и государством сохраняются в целом комплементарные отношения, но уколы в адрес РПЦ МП совершаются с заметным постоянством. Как и раньше, специально выбираются некоторые страницы истории РПЦ, ее традиции, признанные авторитеты, которые потом интерпретируются как выражение мракобесия, низкопоклонства перед светской властью, наконец, безнравственности. Справедливости ради надо сказать, что отдельные представители клира иногда дают к этому основания. В числе резонансных историй на эту тему стоит назвать панк-молебен группы *Pussi Riot* в храме Христа Спасителя (2012), критику планов по передаче Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге в собственность РПЦ (2015–2016) и строительства собора Святой Екатерины в сквере драматического театра г. Екатеринбурга (2019), экспертные оценки исследователей Агентства стратегических коммуникаций, констатирующие в качестве одного из последствий COVID-19 вступление РПЦ в эпоху серьезного церковного кризиса (2020)¹.

Если нападки на церковь воспринимаются после 70 лет атеистической пропаганды чаще всего как явление в какой-то степени привычное, то критический пересмотр знаковых вех истории нашей страны, который приобрел в последнее время особенно радикальные формы, стал для многих неожиданным и даже сначала необъяснимым. Целью критики оказались события, их ход, смысл и значение, участники. В некоторых случаях предметом пересмотра избирается то, что происходило в далеком прошлом, а в некоторых – то, что случилось относительно недавно.

Параллель, которая усматривается между активностью, направленной против РПЦ МП, и попытками подвергнуть ревизию историю нашей страны, не случайна. Только при поверхностном взгляде эти процессы выглядят как независимые друг от друга. Но если присмотреться, становится

ясно, что это звенья одной цепи. Алгоритмы нажима, как и его ожидаемые последствия, в том и другом случае совпадают. В качестве целей выбираются идеи, ценности, составляющие содержание традиции, а также люди, которые являлись или являются их проводниками. За эскалацией атак угадывается наступление на традицию (религиозную и историческую) с целью ее дискредитации, отказа от нее и утверждения на ее месте новой традиции. А предпосылки к этому, безусловно, есть. Как отмечает Э. Гидденс: «С того времени, когда происходило формирование религиозной традиции, состояние общества и самосознание людей радикально изменились. Общество стало фрагментированным и индивидуализированным, а его члены сегодня ищут не вечного спасения, а счастья и благополучия, сосредоточены на личных интересах, требуют экономического роста и социальных гарантий» [2, с. 115]. Выбор именно этих явлений культуры в качестве объектов компрометации закономерен.

Во-первых, они занимают особое место в общественной жизни, составляя важнейшие грани культуры нашей страны. Это вытекает из того, что их содержание представляет собой основание национально-государственной идентичности, которую принимает большая часть населения России, что было однажды названо Н. А. Бердяевым скрепами. Примечательно, что очень удачный, емкий по своему смыслу и яркий по форме выражения термин *скрепы* стал поводом иронии и, более того, ерничания в среде некоторых наших соотечественников. Хотя, если не обращать внимания на факты, когда это слово начинают использовать *всуе*, т. е. к случаю и без случая, оно обозначает некоторые ценности, представляющие собой средства солидаризации общества. Те, кто смеется над этим термином, по существу, отрицают возможность универсалий в нашей культуре, общего содержания исторической памяти и совпадающих оценок современности. А это отрицание единства духовной культуры логически подводит к апокалиптическим оценкам недалеких перспектив России. Здесь понятие апокалиптического используется в широком смысле. О его специфике высказывается Е. Г. Якимова: «Особенностью современного мировоззрения является тот факт, что эсхатологическая тематика начинает выходить за рамки религиозного мировоззрения и все шире распространяться на все сферы человеческой жизни... в настоящее время эсхатологические представления оказывают сильное влияние на нерелигиозное, например, научное мировоззрение» [3, с. 280]. Но отрицающих единство оснований нашей культуры – меньшинство. Превалирующая часть общества, конечно, признает, что православие действительно оказывается объединяющим началом большинства россиян (63 % по данным опроса в 2019 г.)², и, кроме того, убеждена в актуальности формирования общего исторического мировоззрения. Относительно злободневности последней

¹ После пандемии РПЦ угрожает двойной кризис // ASC. 03.06.2020. Режим доступа: <https://strategycom.info/2020/06/03/posle-pandemii-rpcz-ugrozaet-dvojnjoj-krizis/> (дата обращения: 09.08.2020).

² Православная вера и таинство крещения // ВЦИОМ. 14.08.2019. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9847> (дата обращения: 09.08.2020).

задачи С. Н. Гавров в исследовании, посвященном проблемам создания единого учебника российской истории, не случайно замечает: «... мы живем в России, в стране, сочетающей в себе несочетаемое. Красные звезды и имперские орлы, Сталина и либерализм, попытку синтеза досоветского и советского патриотизма» [4].

Во-вторых, религия и история как сегменты общественного сознания содержательно и стилистически очень близки друг другу. Общность религии и исторических нарративов проявляется в том, что священные религиозные смыслы раскрываются в контексте исторических повествований. В свою очередь исторические изложения нередко разворачиваются вокруг сакральных символов народа, государства. Стоит ли доказывать, что многие страницы Ветхого Завета суть не что иное, как рассказы о начале и перспективах человечества, истории еврейского народа, описания жизни пророков? Четыре Евангелия Нового Завета помимо прочего также можно рассматривать как историческое повествование о жизни, смерти и воскрешении Иисуса Христа, а Деяния святых апостолов – рассказ о том, как начинало распространяться по миру христианство. Именно ткань исторического описания делает религиозные смыслы понятными и близкими человеческому сердцу.

Так и историческое знание представляет собой не просто перечисление того, что было, оно трансформируется в народную память, аккумулируя в себе символы, обладающие сакральным характером с его положительными или отрицательными значениями, и благодаря этому консолидируя людей. Эти символы поучительны и нравоучительны, некоторые из них вызывают чувство гордости и воспринимаются как образец для подражания, а некоторые, напротив, предостерегают, требуют избегать схожих ситуаций: *Куликово поле, Ермак, Гагарин, но опричнина, гапоновщина, ГУЛАГ*.

Таким образом, религиозные сакральные смыслы наполняют историческую традицию идейным содержанием, а историческая традиция придает этому содержанию конкретное образное выражение и обеспечивает преемственность поколений. Между историческим знанием и религиозными смыслами существует рекурсивная связь, они взаимодополняют, взаимообогащают друг друга, и те, кто их не разделяет или активно отрицает, прекрасно понимают, что, когда наносится удар по религии, происходит ослабление исторической памяти, когда претерпевает деформацию историческое сознание, религия лишается своей силы.

Вероятно, осознание единства религиозных смыслов и исторического знания в свое время послужило фактором рождения понятия *гражданская религия*. Сегодня в отечественной литературе этому феномену посвящено немало работ³ [5–10]. Впервые это словосочетание использовал Ж. Ж. Руссо [11, с. 316], наполняя его содержание такими

характеристиками, как признание существования Бога и загробной жизни, требование отказа от религиозной нетерпимости, награда за добро и наказание за зло. Но введение этого понятия в научный оборот и его экспликация были осуществлены Р. Н. Белла, который выделил такой феномен общественной жизни США, который, обладая некоторыми признаками религии, тем не менее не связан ни с одной конкретной конфессией. Р. Н. Белла «рассматривает понятие "гражданская религия" как форму религии или религиозное направление, объединяющее в себе существующие символы, смыслы, ритуалы, праздники и т. д., которые отражают как общественные, так и частные взгляды частных лиц, а также институтов, организаций, ассоциаций и т. д., вне зависимости от их конфессиональной принадлежности» [12, с. 163]. Иначе говоря, речь идет о секулярных ценностях, выраженных в религиозной форме. Как отмечает М. А. Хаймурзина: «заслугой гражданской религии стало облачение секулярных ценностей в религиозную форму с акцентом на важность и значимость национальных идей, пронизывающих национальную историю» [13, с. 57]. Действительно, Р. Н. Белла, анализируя иннаугурационные речи некоторых американских президентов (речь Дж. Ф. Кеннеди 20 января 1961 г.), содержание отдельных документов (Декларация независимости), смысла культовых сооружений (Арлингтонское национальное кладбище, могила Неизвестного солдата), праздников (День благодарения, День памяти, День независимости США), исторических личностей (А. Линкольн), обращает внимание на явное использование в контексте их употребления имени Бога либо на имплицитную отсылку к нему. Причем не христианского, не еврейского, не мусульманского Бога, а просто Бога, *Бога вообще*. Эта фигура речи выражает убеждение, что люди, составляющие население США, могут различаться в плане своей конфессиональной принадлежности, но все они связаны с абсолютным трансцендентным планом бытия, придающим смысл их истории и обеспечивающим консолидацию для достижения высших и этически оправданных свершений. Это святыни, которые, во-первых, имея надконфессиональный характер, объединяют представителей самых разных вероисповеданий, а во-вторых, выступают инструментами легитимации государственной власти.

Данный вариант гражданской религии не является единственным. Существуют формы антиклерикальной гражданской религии, например во Франции. Как говорит Д. А. Узланер, «французское и американское общество дают нам два конкретных примера того, как одна и та же идея может иметь совершенно разные воплощения в зависимости от контекста. Если же посмотреть на опыт светскости во всем мире, то тогда число подобных вариантов может умножаться» [14, с. 21]. Но наличие такого опыта в США именно в религиозной форме позволяет задаться вопросами: Это религия или квазирелигия? Имеются ли достаточные

³ Легойда В. Р. Гражданская религия: pro et contra // Religare. 24.01.2003. Режим доступа: http://www.religare.ru/2_1555.html (дата обращения: 17.09.2020); Лункин Р. Н. Гражданская религия в России: основные стереотипы в свете социологических исследований // Религиозная жизнь. 22.05.2017. Режим доступа: <https://religious.life/2015/05/grazhdanskaya-religiya-v-rossii/> (дата обращения: 17.09.2020).

основания этот вариант гражданской религии рассматривать как недорелигию, псевдорелигию, как свидетельство вырождающегося религиозного чувства? Ответы могут быть весьма разнообразными. Есть мнение, что это проявления угасающей веры: кто-то говорит о ней как о компромиссном варианте между свободой совести и запретом на поддержку государством какой-то одной религии, кто-то как о выражении национальной идеи [15]. Цели нашего исследования требуют спроецировать многообразие этих мнений на процессы духовной жизни России. Это необходимо для того, чтобы понять, есть ли основания утверждать, что феномен гражданской религии характерен и для нас? Каковы ее отличительные особенности?

Если рассматривать дореволюционную историю нашей страны, то ответ на вопрос о наличии гражданской религии в России, вероятно, будет отрицательным, поскольку все государственные символы, в том числе и официальные праздники, носили сугубо православный характер. Рождение того, что в какой-то степени имело отношение к гражданской религии, можно отнести только к советскому периоду истории. Тогда традиционные религиозные смыслы в результате агрессивной секулярной политики были вытеснены на обочину общественной жизни. Вместо них священным статусом были наделены символы революции, гражданской войны, коллективизации и индустриализации, Красной Армии, Великой Отечественной войны, освоения космоса и пр. Их сакрализация была ответом на сохраняющуюся потребность в консолидации общества, представленного и членами разных конфессий, агностиками и атеистами. Культ этих символов, очевидно, нес на себе черты религиозных мистерий, т. е. все религии аккумулируют в себе идею священного. Согласно П. Бергеру, «религию можно было бы определить еще проще, как человеческое отношение к священному» [16, с. 128], а идея священного, без сомнения, была одной из важнейших характеристик советской идеологии. Поэтому последнюю вполне можно рассматривать как вариант религиозного мировоззрения, как форму гражданской религии.

Вот только разные религии локализуют священное по-разному. По А. С. Худяеву, если примитивные мировоззрения размещают его в пространстве (топографическом, географическом, космологическом), то «на уровне элитарного теологического дискурса абсолютно значимый священный центр исключается из пространственных отношений» [17, с. 74]. В качестве примера примитивной религии можно назвать культ карго, приверженцы которого, жители островов Меланезии, создали культ, в котором самолеты, доставляющие продукты питания, вещи и технику, превращаются в объекты почитания. Мы осознаем, что «применение строгих и однозначных критериев к различным явлениям культуры неминуемо обернется тем, что очень многие из них, в чем-то похожие на религию, но в чем-то не дотягивающие до этих критериев, будут отсеяны. Наверняка найдутся такие люди, которые, руководствуясь этим критерием, не устоят перед соблазном разделить все религии на истинные и ложные» [18, с. 170]. Но нельзя

полностью согласиться и с тем, что по глубине догматики, сложности культа и совершенству организационных основ все религии занимают одну планку. Мы согласны с Х. Коксом, который убежден: «все, что хоть отчасти функционирует в качестве божества, не будучи Богом, есть идол» [19, с. 192].

Другими словами, в развитых религиях все, что наделяется статусом священного, представляет собой эманацию трансцендентного Абсолюта. В менее развитых религиях эта трансцендентность священного, если и существует, то в глубокой имплицитной, потенциальной форме. Следовательно, проявления гражданской религии в России в советский период соответствовали архаическим формам культуры, т. е. статусом исключительной социальной значимости назывались конкретные с точки зрения пространства и времени события и люди.

Чтобы проиллюстрировать это, мы позволим себе обращение к феномену Великой Отечественной войны. Процесс переосмысления символики советской истории лишил своего ореола многие прежние святыни, но он почти не затронул историческую память о Великой Отечественной войне; события, с нею связанные, продолжают вызывать благоговейные чувства у подавляющего большинства россиян. Однако легко заметить, что и они в традиционной трактовке имеют локативную привязку, т. е. четко локализируются в пространстве и времени, что указывает, как было сказано выше, на архаичную форму этих явлений гражданской религии. Поэтому, например, полководческие успехи Г. К. Жукова можно трактовать сугубо как факт происходивших в середине XX в. событий, развернувшихся на значительных, но вместе с тем ограниченных территориях, что рождает понимание: резонанс этих событий за пределами конкретного периода отечественной истории постепенно будет уменьшаться и в перспективе исчезнет. Такова судьба всего, что происходит в мире дольном. Чтобы возвысить сакральный смысл исторических символов, необходимо обеспечить их связь с трансцендентным планом бытия, связью, способной перевести то, что однажды состоялось в человеческой истории и обрело статус сакрального в перспективы вечности. Хотя дело даже не в том, вспомнят или нет наши потомки знаковые для нас события через 500 или 1000 лет, а в том, что мы сами рассматриваем их изначально только как ограниченные по сторонам масштабам или они представляют для нас выражение трансцендентных измерений бытия. Очевидно, что субъекты гражданской религии желают чтить те сакральные символы, которые получили это качество не только потому, что обеспечивают единство людей друг с другом, но прежде всего потому, что они являются выражением единства с Абсолютом, с высшим смыслом бытия, проще говоря – с Богом. И, конечно, почитание этих святынь – не результат рациональной активности. По мнению А. И. Шафоростова, «сверхрациональное, творческое по своей природе стремление достичь недостижимое во многом определяется именно верой. Здесь проявляется трансцендентность веры: она направлена на цель, которая за пределами по отношению к данным условиям жизни

человека, но при этом отчетливо ощущается связь запретной цели и жизни личности» [20, с. 223].

Как же в этой связи происходит трансформация гражданской религии в современной России? С целью преодоления данной ограниченности прежних идеологем гражданской религии в современной России было предложено довольно эффективное, но отнюдь не бесспорное решение. Для того чтобы внести в консолидирующие сакрально-исторические феномены элемент трансценденции, соединяющий массовое сознание с Абсолютом, были инициированы поправки в Конституцию РФ⁴, в частности в виде дополнения ст. 67.1, предполагающей упоминание Бога, причем, что для нас особенно важно, в определенном историческом контексте.

Статья сформулирована следующим образом: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство»⁵. Как мы видим, здесь путем обращения к имени Бога история целой страны и ее отдельная страница в виде Великой Отечественной войны приобретают не только сакральный, но и сакрально-надмирный характер. Не менее примечательно и то, что содержание этой статьи апеллирует к исторической преемственности и исторической памяти народа в контексте «тысячелетней истории». Гарантом сохранения этой традиции объявляются идеалы, те самые скрепы, которые обусловлены верой в Бога. При желании в контексте приведенной формулировки можно увидеть даже то, что логика исторических событий в нашей стране, смысл их последовательности в целом выражает замысел Бога. Важно подчеркнуть, что эту поправку дополняет еще одна статья, которая должна служить законодательным барьером на пути посягательств на ценности традиции, в том числе на сакральный характер победы в Великой Отечественной войне: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»⁶.

Подобного рода новация, допускающая использование имени Бога в Конституции, всеобщего одобрения естественно вызвать не могла, и это в контексте секулярных тенденций ожидаемо. Ведь не случайно Ю. Хабермас замечает: «секулярные языки, которые просто элиминируют то, что когда-то имело смысл, вызывают недоумение. Как грех, превратившийся просто в вину, утрачивает что-то важное и отступничество от божественных заповедей, обернувшееся преступлением против человеческих

законов» [21, с. 64]. Против нее по разным основаниям высказались представители светского общества, конфессионально определившиеся миряне, да и некоторые служители церкви. Основы их критики различны, но наиболее громко звучат голоса тех, кто считает, что это нарушение светского характера нашего государства. Но ведь данный упрек игнорирует, что новации к основному закону страны не содержат указаний на привилегированное положение какой-то одной религии и, следовательно, не противоречат ни одному из требований светского общества. Тем не менее упоминание Бога в основополагающем документе страны для агностиков и атеистов остается неприемлемым.

Можно, конечно, возразить, что радикальные попытки очистить культуру от религии бесполезны, т. к. природа культуры явно или имплицитно носит религиозный характер. Целесообразно, наконец, обратить внимание оппонентов на то, что они сами, воспроизводя некоторые ритуалы, нередко поступают как люди верующие. Трудно возразить Ф. Арьесу, который выводит традиции погребения из некоего ощущения: «под пеплом таится еще огонь жизни, сохраняющаяся и под землей неясная чувствительность к тому, что происходит в мире живых, делает кладбище местом обязательного физического присутствия людей, местом, где вспоминают, собираются, плачут, молятся» [22, с. 427]. Эту тему продолжает В. А. Прихотько: «то, что часть населения РФ выбирает традиционные похороны неосознанно, свидетельствует о вере в бессмертие души и (или) в воскресение из мертвых, будущую жизнь» [23, с. 90]. Но эта аргументация в споре с атеистами наверняка не поможет. Они продолжают настойчиво доказывать, что включение понятия Бога в конституцию их права ущемляет.

Сторонники же этой законодательной инициативы, ссылаясь на правотворческий опыт других стран, на содержание их конституций или других законодательных актов, указывают, что эти нормы традиционно включают понятие Бога. Если говорить о странах христианской культуры, среди них помимо США мы видим Германию, Ирландию, Грецию, Швейцарию, Канаду, Аргентину и пр. В этих светских государствах такая формулировка не является препятствием к сохранению статуса светского государства. Можно предположить, что она не будет препятствием и у нас⁷.

Заключение

Историческая память и религиозная вера в своей совокупности образуют основу отечественной культуры, традицию национально-культурной идентичности – то, что в некоторых случаях принято называть гражданской религией. Намерение прервать эту традицию порождает спонтанные

⁴ Голосование по ним прошло в период с 25 июня по 1 июля 2020 г.

⁵ Конституция РФ (принята на всенародном голосовании 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 67.1 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Там же.

⁷ Исследование ВЦИОМ, проведенное в июле 2020 г. показало, что среди общественных институтов РПЦ занимает второе место по индексу одобрения после Российской армии. См.: Деятельность общественных институтов // ВЦИОМ. Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ (дата обращения: 09.08.2020).

на первый взгляд, но по существу согласованные усилия их подменить. Чтобы им противостоять, носители этой традиции стремятся повысить статус сакральности символов гражданской религии путем введения в их содержание трансцендентного измерения. В частности это достигается

корректировкой основного закона страны посредством соединения знаковых исторических событий с идеей Бога вне конфессиональной привязки. Это выступает дополнительным фактором сохранения традиции и противодействия покушениям на ее преемственность.

Литература

1. Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О. Особенности религиозной коммуникации в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-2. С. 198–202.
2. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011. 343 с.
3. Якимова Е. Г. К вопросу об эволюции метафизики эсхатологии // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2011. № 8. С. 272–282.
4. Гавров С. Н. Каким быть учебнику истории // Нева. 2013. № 10. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/neva/2013/10/kakim-byt-uchebniku-istorii.html> (дата обращения: 17.09.2020).
5. Бачинин В. А. Христианская мысль: социология, политология, культурология. СПб.: Новое и старое, 2004. Т. 1. 176 с.
6. Воронин К. (С. Н.) Православная гражданская религия // Русский журнал. 2015. № 6. Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaia-povestka/Pravoslavnaia-grazhdanskaya-religiya> (дата обращения: 17.09.2020).
7. Гофман А. Б. Социология и гражданская религия в современной России // Социология и современная Россия / под ред. А. Б. Гофмана. М.: НИУ ВШЭ, 2003. С. 84–107.
8. Задорожнюк И. Е. Гражданская религия и патриотическое воспитание в системе образования США // Высшее образование в России. 2007. № 9. С. 150–155.
9. Батомункуев С. Д. Национальная идентичность и феномен гражданской религии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 5. С. 79–88. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-79-88
10. Смирнов М. Ю. Гражданская религия как модель и как реальность // Классификация религий и типология религиозных организаций: сб. тр. науч.-практ. конф. (Москва, 20 марта 2008 г.) М., 2008. С. 119–124.
11. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1998. 414 с.
12. Веселова С. Б., Егоров В. А. Гражданская религия в Америке. Роберт Н. Белла // Вестник РХГА. 2014. Т. 15. № 3. С. 162–182.
13. Хаймурзина М. А. Гражданская религия: феномен США и перспективы КНР // Религиоведение. 2019. № 4. С. 55–64. DOI: 10.22250/2072-8662.2019.4.55-64
14. Узланер Д. А. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. № 1. С. 11–58.
15. Егоров В. А. Тема гражданской религии в современном российском религиоведении // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 2. № 4. С. 185–193.
16. Бергер П. Религиозный опыт и традиция // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 123–136.
17. Худяев А. С. Священное и аспекты его локализации // Религиоведение. 2019. № 3. С. 69–79. DOI: 10.22250/2072-8662.2019.3.69-79
18. Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О. Культ карго в контексте критики Э. Эвансом-Притчардом классических религиоведческих подходов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1-1. С. 169–174.
19. Кокс Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теол. аспекте / пер. с англ. О. Боровой, К. Гуровского; под общ. ред. О. Боровой. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1995. 261 с.
20. Шафоростов А. И. Вера как условие самоидентификации. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технического ун-та, 2007. 247 с.
21. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М.: Весь Мир, 2002. 143 с.
22. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / пер. с фр. В. К. Ронина; общ. ред. С. В. Оболенской. М.: Прогресс. Прогресс-Академия, 1992, 526 с.
23. Прихотько В. А. Самоидентификация личности православного христианина в контексте традиций и социокультурных трансформаций погребально-поминальной обрядности // Религиоведение. 2020. № 1. С. 83–93. DOI: 10.22250/2072-8662.2020.1.83-93

Synergy between History and Religion in the Transformation of the Civil Religion of Modern Russia

Oleg F. Gavrilov^{a, @}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@gof57@yandex.ru

Received 19.10.2020. Accepted 03.11.2020.

Abstract: Orthodox Christianity is the most widespread religion in Russia. Recently, there have been a lot of seemingly independent attempts to defame it, thus deforming the traditional matrix of historical memory. This well-coordinated campaign is based on the fact that historical identification and religion shape the foundations of cultural tradition and, in their inextricable unity, can develop the content of civil religion under certain circumstances. Civil religion gives sacred meanings to historical symbols, regardless of the religious affiliation of individual citizens. Therefore, it ensures social solidarity and awareness of the direction of various social processes. Civil religion originated in the Soviet period; today, it is undergoing some serious transformations. In its early days, it cultivated the sacral meanings of history limited by space and time, which is typical of undeveloped religions. Nowadays, these sacral meanings are gradually becoming more transcendental. For instance, historical events now correlate with the concept of God, and this dependence has been fixed in the basic law of the country. As a result, the former archaic nature of civil religion has acquired the status of a developed religion, capable of consolidating society with an appeal to the Absolute. These changes are often evaluated as violating the principles of secular society. However, their opponents ignore the intrinsically religious nature of culture. This legal innovation does not give preference to any particular confession. Foreign experience proves that many developed states with an official state religion manage to maintain their secular character. The research objective was to define common traits behind the seemingly independent attempts at discrediting Orthodox Christianity and develop some countermeasures.

Key words: culture, tradition, symbols, sacred localization, transcendent, Constitution, God

For citation: Gavrilov O. F. Synergy between History and Religion in the Transformation of the Civil Religion of Modern Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 227–234. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-227-234>

References

1. Gavrilov O. F., Gavrilov E. O. Features of religious communication in modern Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1-2): 198–202. (In Russ.)
2. Giddens A. *The consequences of modernity*, trs. Olkhovikov G. K., Kibalchich D. A. Moscow: Praksis, 2011, 343. (In Russ.)
3. Yakimova Y. G. On the evolution of eschatological metaphysics. *Scientific statements BSU. "Philosophy. Sociology. Law"*, 2011, (8): 272–282. (In Russ.)
4. Gavrov S. N. What a history textbook should be like. *Neva*, 2013, (10). Available at: <https://magazines.gorky.media/neva/2013/10/kakim-byt-uchebniku-istorii.html> (accessed 17.09.2020). (In Russ.)
5. Bachinin V. A. *Christian thought: sociology, political science, cultural studies*. St. Petersburg: Novoe i staroe, 2004, vol. 1, 176. (In Russ.)
6. Govorun K. (S. N.) Orthodox civic relic. *Russkii zhurnal*, 2015, (6). Available at: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pravoslavnyaya-grazhdanskaya-religiya> (accessed 17.09.2020). (In Russ.)
7. Gofman A. B. Sociology and civil religion in modern Russia. *Sociology and modern Russia*, ed. A. B. Gofman. Moscow: NIU VShE, 2003, 84–107. (In Russ.)
8. Zadorozhnyuk I. E. Civil religion and patriotic education in US education system. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2007, (9): 150–155. (In Russ.)
9. Batomunkuev S. D. National identity and the phenomenon of civil religion. *Vestnik Kalmytskogo instituta humanitarnykh issledovaniy RAN*, 2018, (5): 79–88. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-79-88
10. Smirnov M. Iu. Civil religion as a model and as a reality. *Classification of religions and typology of religious organizations: Proc. Sci.-Prac. Conf., Moscow, March 20, 2008*. Moscow, 2008, 119–124. (In Russ.)
11. Rousseau J.-J. *Du contrat social ou principes du droit politique*. Moscow: KANON-pess-Ts, Kuchkovo pole, 1998, 414. (In Russ.)
12. Veselova S. B., Egorov V. A. Robert Neelly Bellah. Civic religion in America. *Vestnik RKhGA*, 2014, 15(3): 162–182. (In Russ.)

13. Khaimurzina M. A. Civic religion: USA phenomenon and China's prospects. *Religiovedenie*, 2019, (4): 55–64. (In Russ.) DOI: 10.22250/2072-8662.2019.4.55-64
14. Uzlaner D. A. From secular modernity to "multiple": social theory about the relationship between religion and modernity. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2012, 30(1): 11–58. (In Russ.)
15. Egorov V. A. The topic of civil religion in modern Russian religious studies. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, 2015, 2(4): 185–193. (In Russ.)
16. Berger P. Religious experience and tradition. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2011, (1): 123–136. (In Russ.)
17. Khudyaev A. S. The sacred and aspects of its localization. *Religiovedenie*, 2019, (3): 69–79. (In Russ.) DOI: 10.22250/2072-8662.2019.3.69-79
18. Gavrilov O. F., Gavrilov E. O. Kargo cult in the context of E. Evans-Pritchard's criticism of classical theological approaches. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (1-1): 169–174. (In Russ.)
19. Cox H. *The secular city: secularization and urbanization in theological perspective*, trs. Borovaia O., Gurovskii K., ed. Borovaia O. Moscow: Izd. firma "Vost. lit.", 1995, 261. (In Russ.)
20. Shaforostov A. I. *Faith as a condition of self-identification*. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gos. tekhnicheskogo un-ta, 2007, 247. (In Russ.)
21. Habermas Ju. *Die zukunft der menschlichen natur*, tr. Khorikov M. L. Moscow: Ves Mir, 2002, 143. (In Russ.)
22. Aries P. *L'homme devant la mort*, tr. Ronin V. K., ed. Obolenskaia S. V. Moscow: Progress. Progress-Akademiia, 1992, 526. (In Russ.)
23. Prikhotko V. A. Self-identification of an Orthodox Christian in the context of traditions and socio-cultural transformations of funeral and memorial rites. *Religiovedenie*, 2020, (1): 83–93. (In Russ.) DOI: 10.22250/2072-8662.2020.1.83-93